

АЛЕКСАНДР
ВАСЬКИН

ОХОТНЫЙ
РЯД

И МОХОВАЯ

ПРОГУЛКИ ПОД СЕНАМИ
КРЕМЛЯ

Александр Васькин

**Охотный Ряд и Моховая.
Прогулки под стенами Кремля**

«Центрполиграф»

2019

УДК 908
ББК 26.89

Васькин А. А.

Охотный Ряд и Моховая. Прогулки под стенами Кремля /
А. А. Васькин — «Центрполиграф», 2019

ISBN 978-5-227-05795-2

Книга известного москвоведа Александра Васькина предлагает читателю прогуляться по уникальному историческому маршруту, связавшему воедино Пашков дом и Благородное собрание, Московский университет и Манеж, гостиницы «Москва» и «Националь», здания Госдумы и главной библиотеки страны. Как всегда, книга читается легко и с большим интересом, открывает нам забытые страницы истории и рассказывает о малоизвестных ранее фактах из жизни и великих людей, и простых обывателей. В книге много редких фотографий и иллюстраций.

УДК 908
ББК 26.89

ISBN 978-5-227-05795-2

© Васькин А. А., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Часть первая	6
Птичий рынок и приют охотников	9
«Английский клуб» в Охотном ряду?	12
«Главное прибежище художественных сил Москвы»	18
Что читали в Охотном ряду	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Анатольевич Васькин
Охотный Ряд и Моховая
Прогулки под стенами Кремля

© Васькин А. А., 2019

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

* * *

Часть первая Охотный Ряд: «Здесь птицы не поют, деревья не растут»

*Скорей, скорей! какой румяный холод!
Как звонко купола в Кремле горят!
Кто так любил, как я, и кто был молод,
Тот может вспомнить и Охотный ряд.
Какой-то русский, тепло-сонный яд
Роднит меня с душою старовера.
Вот коридор, лампадка... где-то спят...
Целуют... вздох... угар клубится серо...
За занавеской там... она – моя Венера.*

М. Кузмин

Как только не называли Охотный ряд в прошлом! Петр Сытин писал о нем как о самом антисанитарном месте в центре города, Владимир Гиляровский именовал его не иначе как «чрево Москвы». А плодовитый литератор позапрошлого века Даниил Мордовцев и вовсе говорил, что «сила Охотного ряда – великая сила в России. Российское государство само есть подобие Охотного ряда». А простой народ поговорку сложил: «Без ряда Охотного куска не съешь плотного». Ну а мы, грешные, еще каких-то три десятка лет тому назад называли Охотный ряд проспектом Маркса. Нарочно не придумаешь! Это как же надо не любить, не уважать свою родную историю, чтобы так вот забыть ее. Будто бы и не было пяти веков Охотного ряда, слава которого проникла далеко за пределы России.

Одно из первых упоминаний Охотного ряда в бумажных источниках относится к последней трети XVII века. В 1674 году в составе шведского посольства графа Г. Оксеншерна в Москву приехал дипломат Иоганн Филипп Кильбургер, по итогам своего пребывания в России сочинивший книгу «Краткое известие о русской торговле. Каким образом она производится...». Среди его наблюдений нашлось место и Охотному ряду:

«Всякий может согласиться, что в городе Москве столько же лавок, сколько и в некоторых других европейских городах, хотя большая часть оных так малы и тесны, что купец едва может ворочаться между товарами. И хотя в Белом городе или пространстве, окруженном белою стеною, равно и в Земляном городе, то есть в части, лежащей между сею стеною и земляным валом, который называется Скородом, – есть великое множество мелочных и других лавочек, но Китай-город, или город, обнесенный красною стеною, как средоточие Москвы, посвящен собственно купечеству; почему и не найдешь там отдельных домов, но лавки, по большей части каменные, из коих некоторая часть принадлежит казне, а большая часть частным людям.

Более всего замечательно и похвально в Москве то, что для каждого рода товаров, от самых лучших до худых, есть особые улицы и рынки. Торгующие шелком имеют особенные ряды, равно как и продающие пряные коренья, лук, шапочники, оловянишники, медники, скорняки, сапожники, русские аптекари, торгующие кнутами, румянами, чесноком и так далее, даже для продажи лоскутьев и тряпья назначено непременно место на базаре пред Кремлем, почему и избавляешься от труда искать долго товар, который тебе надобен.

Также недалеко от Кремля и Земского приказа есть Охотный ряд, в котором продаются всякие живые птицы, глухие (глухари) и полевые тетерева, рябчики, пиголицы, скопы, соколы, перепелки, соловьи, жаворонки, щеглята и так далее, также куры, голуби, гуси, утки, живые кошки и прочее. По середам и пятницам бывает большой базар, и тогда, особенно зимою, надобно пробиваться сквозь толпу народа и держать руки в карманах...»

Про руки в карманах – это правильно, видно, шведский дипломат на себе испытал радужные московского воровского люда. А вот обилие птиц говорит нам и о том щедром орнитологическом разнообразии, которым богата была Русская земля. Все, что удавалось взять (а точнее, отобрать) охотникам у матери-природы, продавалось в Охотном ряду.

Охотный ряд. Начало XX в.

Тот Охотный ряд, по которому бродил с руками в карманах и открыв рот иностранец, находился в те времена несколько поодаль от нынешней коротенькой одноименной улицы (всего 250 метров!) – на месте современного Исторического музея. Границы Охотного ряда были очерчены с одной стороны рекой Неглинкой, протекавшей через всю Театральную площадь и далее к Москва-реке, а с другой стороны, Китайгородской стеной. В 1737 году Охотный ряд сгорел, и новое торжище перенесли поближе к устью Тверской улицы, на Манежную площадь, откуда оно и стало наступать своими лавками да лабазами туда, где нынче стоит гостиница «Москва». Согласно данным 1745 года, в трех линиях Охотного ряда стояло более двух десятков деревянных лавок.

Что же касается противоположной стороны улицы, где теперь возвышается Государственная дума, то там истари селилась московская знать – князья Голицыны, Долгоруковы, Троекуровы, соревновавшиеся между собой под девизом «Щедрее, выше, богаче». О том, как выглядели княжеские палаты, можно сегодня судить по акварелям архитектора Дмитрия Сухова. Были в Охотном ряду и свои древние храмы – Святой Параскевы Пятницы (начало XV века) и Святой Анастасии (середина XV века).

Интересно, что сперва образовавшуюся таким образом улицу называли Петровской и она была началом известной нам Петровки, которая теперь идет от Большого театра. Но когда же Петровка превратилась в Охотный ряд? В 1775 году Екатерина II одобрила план перепланировки Москвы, согласно которому часть Петровки до Театральной площади (которая тоже была Петровской) должна была превратиться в обширную и красивую площадь Охотный Ряд путем сноса мешающих зданий, лавок и храмов. План этот осуществился лишь в некоторой степени – снесли колокольню церкви Параскевы и церковь Анастасии, что стояла ближе к Боль-

шой Дмитровке, а также и часть лавок. Но, даже несмотря на это, площадь получилась широкая (что оправдывает существование в 1933–1955 годах именно площади, а не улицы с названием Охотный Ряд). Число лавок к концу XVIII века увеличилось до полусотни, и сама площадь значительно расширилась. Было где развернуться московскому люду.

Когда в 1801 году в Москву пришла весть из Петербурга о внезапной кончине императора Павла I, именно в Охотный ряд хлынул обрадованный народ, а подъезды к нему превратились в транспортные пробки. «Недоставало только качелей, чтобы увидеть гулянье, которое бывает на Святой неделе: народ веселился, а от карет, колясок и дрожек целой Москвы заперлись соседние улицы. Только два дня посвящены были изъявлению одной радости; на третий загремели проклятия убиенному, осквернившимся же злодеянием начали славить наравне с героями: и это было на Страстной неделе, когда христиане молят Всевышнего о прощении и сами прощают врагам! До какой степени несправедливости, насильствия изменили характер царелюбивого, христоролюбивого народа!» – вспоминал Филипп Вигель.

Уже на плане Москвы 1805 года видно, что деревянные лавки Охотного ряда постепенно заменяются каменными, заполняя собой почти все пространство современной гостиницы «Москва». Новый этап развития торговли в Охотном ряду наступил после 1812 года, когда на месте сгоревших торговых рядов началась застройка каменных двух- и трехэтажных зданий. В них располагались уже не только лавки и склады с погребами, но и магазины, трактиры, гостиницы. Каменный Охотный ряд превратился, по сути своей, в своеобразный торговый комплекс, у которого появился и владелец – купец 1-й гильдии Д. А. Лухманов. При нем торговля в Охотном ряду приобрела цивилизованные формы, насколько это было возможно для того времени. Покупатели и продавцы заходили в торговые ряды Охотного через специально построенные ворота, выходившие как на Театральную площадь, так и на Тверскую улицу.

Ассортимент, предлагавшийся покупателям торговцами Охотного ряда, уже вышел далеко за пределы его названия. Птицам отводился всего один ряд, в остальных лавках торговали всякой всячиной – мясом, молочной продукцией, бакалеей, рыбой, овощами и фруктами. Но именно птичий ряд привлекал наибольший интерес даже случайных прохожих...

Птичий рынок и приют охотников

Сегодня никто и не вспомнит, что когда-то в первой половине XIX века в Охотном ряду был самый главный птичий рынок города. Будущий известный правовед и философ Борис Чичерин мальчонкой бегал сюда. Он бредил птицами, рисовал их везде и всюду – в подаренном ему родителями альбоме, на салфетках и обоях. Но более всего ему хотелось своими глазами взглянуть на все это крылатое разнообразие. Наконец в один прекрасный день родители разрешили ему пойти в Охотный ряд: «Охотный ряд! Я долго стремился к этой сокровищнице, о которой слышал всякие рассказы; наконец, в одно воскресное утро меня тудапустили. У меня разбежались глаза, когда я увидел сотни клеток, с самыми разнообразными, многими, никогда еще не виданными мной птицами. Тут были красивые свиристели, малиновые щуры, клесты с перекрещивающимся клювом. Я немедленно накупил их несколько и с тех пор стал ходить в Охотный ряд, как только было у меня свободное время. Дома же я в нашей общей спальне затаил одно окно сеткой, за которой всегда сидело несколько десятков моих крылатых любимцев. А когда мы весной переехали на дачу, мне в саду устроили вольерку. Я не мог вытерпеть, чтобы некоторых из них не нарисовать».

Забывший ныне писатель Иван Кокорев отмечал в 1849 году:

«Сажень за сто уже слышится шум, гам, визг, чиликанье, голосистое кукареку, важное криканье утки – словом, самая разноголосная музыка, в которой есть все звуки и недостает одного согласия. Ежеминутно раздаются повелительные: «поди, поди, – берегись!» Народ снует и взад и вперед. Толпы приливают то в ту, то в другую сторону; один покупает, а десятеро наблюдают. Мы в птичьем царстве. Начинается оно голубями. И каких тут нет! Чистые, турманы красные и черные, козырные, двухохлые, махровые, тульские, гордые, трубастые, деликатные, огнистые, египетские дутьши, сизяки чинно посиживают в клетушках, ожидая покупателей. Далее тянется длинный ряд саней с птицами певчими. На каждой саней торчит по дереву, на каждом отростке дерева висит по несколько клеток, и в каждой клетке сидит по несколько птичек. Известно, в неволе что за песни, и чиликают себе бедняжки, попрыгивая с жердочки на жердочку да вспоминая – кто вольную волю, кто милую подругу. А если бы запели они все – что ваша итальянская опера! Колокольчиком зальется овсянка, сорок колен начнет выводить остроглазая синичка, бойко защебечет шалун-чирик, десять ладов перепробует сметливый скворушка, словно дверь, заскрипит малиновый щур, молодецким посвистом свистнет подорожник, искусно передразнит барана болотный барашек, лучше турецкого барабана задолбит дятел, бубенчиками и мелкой дробью рассыплется красавица-канарейка, защелкает, засвистит, зальется и всех заглушит своей сладкой песенкой душа-соловушка... Даже и молчаливый снегирь, которому бог не дал добропорядочного голоса, и он не ударил бы себя в грязь лицом перед почтеннейшими зрителями: фокусы бы разные стал показывать, потому что, несмотря на свою степенную наружность и красный мундир, он большой шуток. А то нет – чирк, чирк, чирк, тью, тью, тью – только и есть».

На один гривенник можно купить чижа с синичкой, а на другой – клетку и корму для них. Канарейки и соловьи ценятся гораздо дороже; только хороших птиц продавцы редко выносят сюда: среди шумного, разнообразного чириканья не мудрено сбиться с голоса и самому лучшему певуну: где один другому слова выговорить не даст, там красноречие не у места. А если вам угодно крылатую примадонну или певца с бархатным голосом, извольте, представим первый сорт. Только уж не жалеете золотой казны, не думайте удовлетворить свое желание каким-нибудь десятком рублей».

Степан Жихарев дополняет: «Этот выбор невест показался мне очень похожим на выбор молодых канареек в Охотном ряду: выбирай из сотни любую, покрупнее или помельче, пожелтее или позеленеватее, а которая из них петить будет – бог один весть».

Кроме птичек, шли на Охотный ряд за собаками – легавыми, гончими, овчарками, шпицами, мопсами, левретками, терьерами, болонками и прочими друзьями человека. Ноздрев из «Мертвых душ» чувствовал бы себя в Охотном ряду как дома. Особой популярностью пользовались русские псовые борзые, денег на которых не жалели. Эту изящную породу, используемую для травли лисы и зайца, ценили за отличные зрение и нюх, способность развивать большую скорость на коротких дистанциях и жадность к зверю, а еще уникальные упорство в преследовании и выносливость. Число собак этой породы могло доходить у иного помещика до сотни. Любопытно, что в XIX веке при массовом разведении борзых у наиболее крупных их владельцев постепенно сложились типы собак, отличавшиеся особым окрасом, что позволяло называть их по фамилии хозяина.

В Охотном ряду можно было купить хомячка или черепашку детишкам, попугайчика и обезьянку, ежа с белкой на развлечение. Содержателям домашних зоопарков предлагали барсуков и медвежат, дятлов и сов, сорок и воронов. Гурманы покупали здесь овсянок и воробьев для паштета, жирных свиристелей для соуса, павлина на жаркое.

Охота – пуще неволи. Помимо птиц в Охотном ряду продавали все, что нужно охотнику, – ружья и патроны, холодное оружие – кинжалы и ножи, сумки для ношения убитой дичи и необходимых на охоте припасов и приспособлений – ягдташи, пороховницы, болотные сапоги, капканы на лису, зайца, волка и медведя. Были здесь и свои завсегдатаи, раздававшие советы налево и направо, к которым прислушивались неопытные охотники. Среди бывалых особенно выделялся старый любитель природы Степан Михайлович. Начинал он еще псарем, затем доезжачим. После получения вольной стал промышлять охотой, натаскивая дилетантов то на лося, то на медведя. И однажды один из его горе-учеников случайно всадил ему ползаряда дроби в правое плечо, навсегда лишив Степана Михайловича возможности зарабатывать на хлеб охотой.

С тех пор главным занятием Михалыча стала ловля птиц, превратившаяся в страсть всей его жизни. Кто только не перебивал в его силках – соловьи, голуби, чижи, синицы. А поскольку голуби пьяного чуют за версту, то и водочку пришлось ему позабыть. Зато полюбил он чай, бывало, зазовут его купцы в один из трактиров Охотного ряда и просят: оцени, Михалыч, соловья, дай цену. Цена определялась мастерством пения, а оно имело огромный диапазон, раздвигавший соловьев на натуральных, криковых, кричащих простой или рассыпной дробью, а еще куликом, вороном, кликотом, светлыми и водяными дудками, раскатом, тревогою, стукотней, свистом, кукушечьим перелетом. За хорошего певуна-соловья можно было выручить до 100 рублей. Не менее дорого продавал старый охотник канареек, поющих и россыпями, и овсянками, и бубенчиками, и колокольчиком, и даже флейтами.

Степан Михайлович был убежден, что его занятие «укореняет добрые нравы», и пояснял любопытным, которых всегда крутилось около него в достатке: «Мало ли к чему пристращается человек? Сказано, что мягок, как воск. Иной чересчур познакомится с чаркой, другой повадится картежничать, у кого амуры разные на уме, кто из кожи лезет, чтоб на фуфу удивить крещеный мир. А что толку-то! Грех да суета одна. И насчет охоты тоже. Охота охоте рознь. Не что как псовая али вот рысаки – знатная штука, да не всякому подручно оно. А птичка, то есть средственная, по карману и бедному человеку. И на содержание себе требует она сущие пустяки: горсточка корму да капелька водицы – вот и весь ее паек. И уход за нею небольшой: вымел клетку, песочком посыпал, воткнул зеленую веточку, – больше ничего и не надо ей. А зато будет она распевать тебе день и ночь, разгонит хоть какую скуку и кручину, прослужит беспорочно пять иль более лет, и худого ты никогда от нее не увидишь: она не зверь какой, не бесчестный попугай, а Божье создание, и нет у ней в сердечке даже помыслов на зло».

Каких только чудес в Охотном ряду не случалось. Бывало, что и птицы человеческим голосом разговаривали. Старый актер Иван Горбунов рассказывал об одном старике, притащившем на продажу говорящего скворца. Умная птица по утрам якобы будила своего владельца сло-

вами: «Вставай, Петрович, петушок пропел давно!» Но однажды нужда заставила его продать скворца.

«Дочь у меня в родах мучилась, – рассказывал он, – письмо написала: тятенька, помоги. Всю ночь я проплакал. Утром встал, взял его, голубчика, закрыл клетку платком да и понес в Охотный ряд. Несу, а у самого слезы так в три ручья и текут, а он оттуда, из клетки-то: «Куда ты меня несешь, куда ты меня несешь?» – да таково жалобно... Сел я на тумбочку, да и реву, как малый ребенок. Идет какой-то барин. «Об чем ты, старичок, плачешь?» – «Купите, говорю, сударь, скворца. Всю жизнь бы с ним не расстался, да беда пришла». – «Что, говорит, стоит?» – «Что дадите, говорю, дочь помирает». Дал две синеньких. «Неси, говорит, его с Богом домой».

Синенькие – это не баклажаны, как может показаться некоторым, а пятирублевая купюра в царской России. В 1850-х годах шумный и крикливый птичий ряд постепенно «перелетел» на Трубную площадь. А к началу 1990-х годов в Москве остался лишь один птичий рынок – в Калитниках, где, наверное, побывал хотя бы раз в жизни каждый москвич, но сегодня и его след простыл...

«Английский клуб» в Охотном ряду?

«Истый москвич без покупок в Охотном ряду обойтись не может», – признавался Петр Боборыкин. Наслушавшись канареек и соловьев, москвич XIX века отправлялся за тем, за чем, собственно, и пришел в Охотный ряд, – за провизией. Туда, где кудахчут куры и визжат поросята.

«На другой половине Охотного ряда, собственно на Охотной площади, тоже два царства – птичье и звериное, с тою лишь разницею, что представители их служат человеку на пользу, а не на одно удовольствие, – куры, гуси, индейки, утки, свиньи, бараны, телята. Громче всех вопиют поросята, предвидя насильственную смерть, потому что им пришлось лежать рядом с замороженными своими собратиями. Движение сосредоточивается преимущественно вокруг кошелок с курами. Тут есть и павловские с белыми и черными хохлами, и крупные гилдянские, и красавицы шпанские, и ноские украинские, и цыцарки, золотые и серебряные. Из самых отдаленных частей Москвы идут сюда заботливые хозяйки купить курочек, которые нанесут им яиц к светлому дню. Правда, что в Москве можно купить хоть миллион яиц, простых и крашенных; да свои все как-то приятнее, знаешь, что свежие, безобманные, не болтуны; а главное, куда ж девать крошки со стола, если не водить кур? И выбирает хозяйюшка доморощенную курочку, которая уж растится, и не сегодня, так завтра занесется. Охотники-мужчины зарятся на петухов, боевых и заводских, и жарко спорят, кому отдать преимущество – крепкой ли груди русского, огромным ли шпорам аглицкого или увертливости гилдянского», – рассказывает современник.

Да, не зря сложил пословицу народ: «Курица в гнезде, яички известно где, а ты уж в Охотный ряд цыплятами торговать». Кстати, о петухах. В бездонном пространстве Охотного ряда всему находилось место, даже петушиным боям. Обычно боевых петухов приносили с собой. Воинственные птицы дрались до смерти – таков был накал борьбы, определявший высокие ставки, что делали болельщики этих состязаний. Призовой фонд мог достигать нескольких сотен рублей.

Что же касается телят и прочего домашнего скота, то наибольшее предложение его – более 10 тысяч голов! – возникало по окончании Великого поста, перед Пасхой. Тогда в огромный рынок превращалась даже Театральная площадь. Животные не только стояли в ожидании своей печальной участи, но и лежали в рядах со связанными ногами.

Ну а где хранили мясо, ведь оно пользовалось спросом круглый год? Холодильники тогда были естественные – ледники, во льду хранили мясо на продажу. В огромных деревянных бадьях со льдом как на витрине лежали поросята, особый способ хранения применялся для домашней птицы. Зимой ее потрошили, перевязывали мочалкой, вывешивая на мороз. Покрываясь льдом, такая курица могла храниться несколько месяцев кряду, вплоть до лета.

Охотный ряд. Конец XIX в.

В Охотном ряду можно было купить все, что душа пожелает. Лишь бы деньги были. В «Анне Карениной» находим:

«Из театра Степан Аркадьич заехал в Охотный ряд, сам выбрал рыбу и спаржу к обеду». А вот самому Льву Толстому ходить за продуктами в Охотный ряд было некогда. Это важное дело он доверил супруге Софье Андреевне, сообщавшей ему 14 мая 1897 года из Москвы: «Получила сегодня твое ласковое письмо, милый Левочка, и потом все радовалась, и когда шла по Пречистенке в Охотный ряд покупать вам, вегетарианцам, провизию». В семье помимо самого Толстого вегетарианскую пищу предпочитала его дочь Мария.

У Салтыкова-Щедрина в «Пошехонской старине» говорится: «К восьми часам является из Охотного ряда Ипат с целой грудой постной провизии. Тут и огурцы, и лук, и соленая судачина, и икра, и т. д.». Пост – дело святое. И потому подлинное пиршество наступало в Охотном ряду по окончании Великого поста, к чему загодя готовились. Всю Страстную неделю возами возили сюда груды свиных туш, окороков, битых индеек, гусей, цыплят, «в подвалах, – добавляет Николай Телешов, – еле успевали опоражнивать винные бочки; в торговых оранжереях была давка от покупателей; цветущие махровые сирени, тюльпаны, розы, гиацинты и ландыши дня за два до праздника в изобилии разносились в корзинах подарками по Москве, дразня внимание тех, у кого не хватало денег на такие покупки и подношения».

«Охотный ряд – кишки говорят, язык песни поет, брюхо радуется». Помимо всевозможного масла и сыров, колбас вареных и копченых, ветчины, окорока и буженины, рыбы живой, соленой, вяленой и сушеной, шли в Охотный ряд и за особыми деликатесами. Например, изготовленными из специально выращенной породы свиней английскими сосисками, фаршированными трюфелями, белыми грибами, сыром с плесенью, а также портвейном тридцатилетней выдержки. Стоили эти сосиски недешево, но попробовать их стоило.

И конечно, икра дюжины видов. Поклонники писателя Стендаля и его романа «Красное и черное» ощущали себя в икорном ряду как в своей стихии. Это сегодня магазины заполнены искусственной икрой (дожили!), а обыватель запомнил из своего золотого советского детства лишь черную и красную. А прежний москвич интересовался не цветом, а прежде всего вкусо-

выми качествами. Икра продавалась осетровая, белужья, севрюжья, горбуши и кеты, нерки и кижуча, форели и кумжи, тайменя и семги, и прочей лосося. Но и этого было еще недостаточно. Приди мы сегодня в Охотный ряд, пришлось бы запастись старыми справочниками. Ибо на наш вопрос: «Почем икра?» продавец поставил бы нас в неловкое положение своими вопросами: «Какую изволите? Зернистую бочковую? Паюсную? А может, ястычную? А троичную не желаете отведать? Только что привезли в бочонках, прямо с Каспийского моря!» (Именно на Каспии жил таможенник Верещагин, которого, как мы помним, жена закармила черной икрой.) Троичную икру делали на особый заказ, протирая через сито, купали в теплом рассоле, затем вынимали, пока не стечет, и везли в бочках в Первопрестольную. Ну что здесь скажешь, как любил повторять известный московский остро слов Николай Павлович Смирнов-Сокольский, «об этом надо было думать в семнадцатом году!». А нам сегодня осталось вкушать разве что икру заморскую, баклажанную.

И все это было, заметьте, отечественного производства. Можно было пойти на голодный желудок в Охотный ряд и, пробуя все подряд, наесться на неделю вперед.

По стоимости продуктов в Охотном ряду составляли представление об общем уровне московских цен. Помещик Иван Алексеевич Яковлев (отец Александра Герцена) привык посылать своего повара Спиридона в Охотный ряд, но не за провизией, а узнать ее стоимость. В мясе и рыбе Яковлевы не нуждались, употребляя в пищу все то, что выращивали и откармливали их крепостные крестьяне. Раз в год крестьяне из-под Пензы привозили в Москву положенный им оброк в натуральном виде: свиные туши, поросята, гусята, куры, крупы, рожь, яйца, масло, и все это требовалось продать.

«Повар, – поясняет Герцен, – возвращался с баснословными ценами, меньше, чем вполтину. Отец мой говорил, что он дурак, и посылал за Шкуном или Слепушкиным. Слепушкин торговал фруктами у Ильинских ворот. И тот и другой находили цены повара ужасно низкими, справлялись и приносили цены повыше. Наконец, Слепушкин предлагал взять все гулом: и яйца, и поросят, и масло, и рожь, «чтоб вашему-то здоровью, батюшка, никакого беспокойства не было». Цену он давал, само собою разумеется, несколько выше поварской. Отец мой соглашался, Слепушкин приносил ему на спрыски апельсинов с пряниками, а повару – двухсотрублевую ассигнацию». Можно себе представить, как обогащался Слепушкин, перепродавая купленные у Яковлева гуртом продукты.

Большой доход торговцам приносил обсчет покупателя. Как писал Гиляровский, «главными покупателями были повара лучших трактиров и ресторанов, а затем повара барские и купеческие, хозяйки-купчихи и кухарки. Все это толклось, торговалось, спорило из-за копейки, а охотнорядец рассыпался перед покупателем, памятуя свой единственный лозунг: «Не обманешь – не продашь». Беднота покупала в палатках и с лотков у разносчиков последние сорта мяса: ребра, подбедерок, покромку, требуху и дешевую баранину-ордынку. Товар лучших лавок им не по карману, он для тех, о которых еще Гоголь сказал: «Для тех, которые почище». Но и тех и других продавцы в лавках и продавцы на улицах одинаково обвешивают и обсчитывают, не отличая бедного от богатого, – это был старый обычай охотнорядских торговцев, неопровержимо уверенных: «не обманешь – не продашь».

О таком вот продавце, который мастерски и объегорит, обвесит, и обманет, сочинила свое стихотворение поэтесса Тэффи:

А еще посмотрела бы я на русского мужика,
Хитрого, ярославского, тверского кулака,
Чтоб чесал он особой ухваткой,
Как чешут только русские мужики —
Большим пальцем левой руки
Под правой лопаткой.

Чтоб шел он с корзинкой в Охотный ряд,
Глаза лукаво косят, Мохрится бороденка:
– Барин! Купи куренка!
– Ну и куренок! Старый петух.
– Старый?! Скажут тоже!
Старый. Да ен, може,
На два года тебя моложе!

В Охотный ряд ходили не только за провизией. Здесь можно было встретить знакомых и приятелей, обменяться с ними последними новостями и сплетнями. Хаживал сюда Сергей Львович Пушкин, отец Александра Сергеевича. У Юрия Тынянова находим: «Так он прошел до Мясницких ворот и добрался до Охотного ряда. Он спустился в винный погреб. Несмотря на ранний час, здесь уже были два знатока, спорившие о достоинствах бургонского и лафита. Он долго выбирал вино, стараясь выбрать лучше и дешевле. Выбрав три бутылки, одну Сен-Пере и две лафита, он небрежно уплатил». И еще: «Считая, что дворянские вольности избавляют его от дел, Сергей Львович прекратил хождение в должность. День был заполнен и без того. Он даже не успевал справиться со всеми делами. Быстро потрепав детей по щекам, он отправлялся в Охотный ряд. Известные знатоки толпились у ларей, и брюхастые продавцы в синих кафтанках отвечивали поклоны. Все говорили вполголоса. Животрепещущая рыба лежала кучами. Заглядывали в жабры, в глаз – томный ли, смотрели: перо бледное или красное, принохивались, обменивались мнениями и новостями. Тут же в ожидании стояли лакеи. Сергей Львович не всегда покупал рыбу, иной раз даже и не собирался. Это было нечто вроде Английского клуба, приятельские встречи. Приятнее таких встреч, да еще, пожалуй, тайных шалостей, не было в мире. Что перед ними блестящие и непрочные карьеры! Сергей Львович вовсе их и не желал».

Какая интересная подробность, переворачивающая наше представление об Охотном ряде как исключительно гастрономической достопримечательности Москвы! Она даже придает ему гораздо больший вес в той системе координат, которая сложилась в старой столице. Куда ходили светские персонажи себя показать да других посмотреть? Ну, на Тверской бульвар, в Английский клуб, в Дворянское собрание. Что же касается Охотного ряда, то он служил и бульваром, и клубом, и собранием одновременно, как в пословице «В Москве сорок сороков да один Охотный ряд». И при этом все его посетители независимо от знатности были как бы равны перед прилавком, независимо от своих возможностей. Никакой билет для посещения покупать не требовалось. И за неуплату членских взносов никого не исключали, а даже могли дать в долг. В Охотном ряду совмещали приятное с полезным.

Дядя А. С. Пушкина, тоже поэт, но менее даровитый, Василий Львович Пушкин, после своего возвращения из Парижа в 1804 году отправился куда? Правильно, в Охотный ряд: «По утрам он прохаживался по Тверскому бульвару в особом костюме – утреннем; походка его изменилась; он вздергивал панталоны. Женщины на него оглядывались. Не любя ранее Охотного ряда, он стал его неизменным посетителем. Он рассказывал там о лавочке славного Шевета в Пале-Рояле. У Шевета были холодный пастет, утиная печенка из Тулузы и жирные, сочные устрицы. Знатоки шевелили губами, и Василий Львович прослыл гастрономом. Он сам изобретал теперь на своей кухне блюда, которые должны были заменить парижские, и приглашал любителей отведать. Некоторые блюда любители хвалили, но на вторичные приглашения не являлись. Повара своего Власа он звал отныне Блэз. На деле же он более всего любил гречневую кашу».

Долгое время считалось, что этот повар и торговал в Охотном ряду. Степан Шевырев писал в своих записках, что повар этот «умер в Охотном ряду в последнюю холеру». Однако

Михаил Погодин уточнил этот факт. Повар был жив еще в 1838 году и торговцем Охотного ряда не стал, после него в Москве остались многочисленные ученики.

Наследники купца Лухманова продали в 1892 году Охотный ряд со всеми его потрохами купцу Журавлеву. Он взялся за перестройку торговых рядов с целью увеличения площади и извлечения большей выгоды. В центре двора к 1898 году Журавлев выстроил из камня двухэтажный корпус с трактиром на втором этаже, а затем и холодильники для хранения скоропортящихся продуктов. А холодильники были ох как нужны Охотному ряду, ибо продукты имеют обыкновение портиться. Это сегодня успехи химии таковы, что любое мясо, напичканное всякого рода добавками, способно храниться десятилетиями. А тогда... Приходящее в негодность мясо спешили сбавить неопытному покупателю как можно скорее, особенно перед праздниками, любыми способами поддерживая товарный вид продукта – и мыли по пять раз на дню, и смазывали растительным маслом, и пичкали разнообразными специями, тем же перцем и чесноком. Вот почему одним из неповторимых качеств Охотного ряда был еще и его запах, исходивший от протухшего мяса или рыбы. Не зря же летом здесь бойко торговали антоновкой – горы яблок хоть немного сбивали противный дух.

Пока Неглинку не спрятали в трубу, нечистоты сливали прямо в реку. В Москве уже появились первые авто и телефоны, а невыносимый запах как был, так и остался, не зря печалился Боборыкин: «Охотный ряд – до сих пор наполовину первобытный базар, только снаружи лавки и лавчонки немножко прибраны, а во дворах, на задах лавок, в подвалах и погребах – грязь, зловоние, теснота!»

Антисанитария в Охотном ряду была жуткая, согласно проведенному обследованию выводы оказались самые печальные:

«О лавках можно сказать, что они только по наружному виду кажутся еще сносными, а помещения, закрытые от глаз покупателя, ужасны. Все так называемые «палатки» обращены в курятники, в которых содержится и режется живая птица. Начиная с лестниц, ведущих в палатки, полы и клетки содержатся крайне небрежно, помет не вывозится, всюду запекшаяся кровь, которою пропитаны стены лавок, не окрашенных, как бы следовало по санитарным условиям, масляною краскою; по углам на полу всюду набросан сор, перья, рогожа, мочала... колоды для рубки мяса избиты и содержатся неопрятно, туши вешаются на ржавые железные невылуженные крючья, служащие при лавках одеты в засаленное платье и грязные передники, а ножи в неопрятном виде лежат в привешанных к поясу мясников грязных, окровавленных ножнах, которые, по-видимому, никогда не чистятся... В сараях при некоторых лавках стоят чаны, в которых вымачиваются снятые с убитых животных кожи, издающие невыносимый смрад...

Все помещение довольно обширной бойни, в которой убивается и мелкий скот для всего Охотного ряда, издает невыносимое для свежего человека зловоние. Сарай этот имеет маленькое отделение, еще более зловонное, в котором живет сторож заведующего очисткой бойни Мокеева. Площадь этого двора покрыта толстым слоем находящейся между камнями запекшейся крови и обрывков внутренностей, подле стен лежит дымящийся навоз, кишки и другие гниющие отбросы. Двор окружен погребами и запертými сараями, помешающимися в полуразвалившихся постройках...

После долгих требований ключа был отперт сарай, принадлежащий мяснику Ивану Кузьмину Леонову. Из сарая этого по двору сочилась кровавая жидкость от сложенных в нем нескольких сот гнилых шкур. Следующий сарай для уборки битого скота, принадлежащий братьям Андреевым, оказался чуть ли не хуже первого. Солонина вся в червях и т. п. Когда отворили дверь – стаи крыс выскакивали из ящиков с мясной тухлятиной, грузно шлепались и исчезали в подполье!.. И так везде... везде».

Московские власти, как могли, пытались исправить ситуацию. Еще в 1859 году генерал-губернатор Тучков призывал московских торговцев сообща решить проблему скотобоен, находившихся тогда в частных руках. Как это водится, создали специальную комиссию по

устройству боен и салотопен, в недрах которой и пропадали всякого рода дельные мысли и инициативы. Купили даже участок за Серпуховской заставой, но дело не сдвинулось с мертвой точки. В 1882 году запретили прогон скота по Москве, что усложнило телячий торг в Охотном ряду. А в 1888 году наконец за Покровской заставой в Калитниках открыли первые московские скотобойни. Это значительно улучшило санитарную обстановку в Охотном ряду, а с крысами в его подвалах помог справиться знаменитый Леонид Сабанеев из журнала «Природа и охота», как-то подаривший знакомому купцу щенка фокстерьера, известную собаку-крысолова.

В европейских столицах к этому времени уже построены были не только скотобойни, но и современные крытые городские рынки, и лишь Москва отставала в этом вопросе. Петр Сытин пишет, что «огромные доходы, которые получали купцы от торговли в Охотном ряду, не давали возможности даже городу выкупить этот квартал. Когда Городская управа незадолго до войны 1914 года вознамерилась его выкупить, чтобы построить здесь новое здание Городской думы, охотнорядцы запросили такую цену, что пришлось отступить».

Однако купец Иван Андреевич Слонов в своих мемуарах «Из жизни торговой Москвы», вышедших в 1913 году в «Историческом вестнике», сообщает иное: «Г-н Журавлев, владелец Охотного ряда, предлагал городу купить его за 1 500 000 рублей, но городская дума нашла эту цену слишком высокой и отклонила это выгодное предложение. Вскоре после этого Охотный ряд был продан князю Прозоровскому-Голицыну за 2 000 000 рублей». Суммы, конечно, гигантские, и пустил их князь в трубу...

«Главное прибежище художественных сил Москвы»

Помимо торговых рядов со всякой всячиной славился Охотный ряд и своим литературно-музыкальным салоном. Но это была не привычная москвичам дворянская гостиная в барском особняке, а опять же заведение общественного питания. Речь идет о популярной в 1830–1850-х годах среди творческой интеллигенции Москвы «Литературной кофейне», известной также как кофейня Печкина или Бажанова. Она не раз и не два упоминается в воспоминаниях ее знаменитых посетителей. Афанасий Фет, что бывал здесь еще студентом в период учебы в Московском университете, писал: «Кто знает, сколько кофейня Печкина разнесла по Руси истинной любви к науке и искусству». Алексей Писемский называл кофейню «главным прибежищем художественных сил Москвы» и «самым умным и острословным местом».

Держателем кофейни был, правда, совсем не купец 3-й гильдии Иван Семенович Печкин (он владел соседним большим трактиром с названием «Железный»), а московский купец-ресторатор Иван Артамонович Бажанов (р. 1782), задумавший создать под боком у Театральной площади что-то вроде приюта комедиантов, артистов близлежащих московских театров. Чаяния актерской братии ему были знакомы, ибо его дочь была замужем за знаменитым премьером Малого театра Павлом Мочаловым.

Сам Бажанов до 1812 года торговал в Москве серебряной посудой, но пожар Москвы превратил его в нищего. Тогда и задумал он открыть новое дело, да такое, которое наверняка приносило бы ему прибыль. А кушать, как известно, хочется всегда, вот и решил он вложить денежки не в трактир, а в малораспространенную тогда в Москве кофейню. Москвичи больше любили чай, но почитатели кофе тогда тоже водились, причем они готовы были ехать на другой конец города, чтобы насладиться колониальным напитком. Так за чем же дело стало – вот и завел Иван Артамонович кофейню, и не где-нибудь, а в самом центре Белокаменной. Сохранился словесный портрет Бажанова: «Росту средняго, лицом бел, глаза серые, волосы на голове рыжеваты, бороду бреет», из вида на жительство (прообраз современного паспорта).

Кофейня Бажанова (или «кофейная» – так говаривали в те благословенные времена) находилась на втором этаже ныне не существующего дома в Охотном Ряду, выходящего углом на Воскресенскую площадь (современная площадь Революции). Посетители поднимались в кофейню по крутой и узкой лестнице. Состояло заведение из четырех комнат разной величины, включая бильярдную с мягкими диванами, и соединялась специальным переходом с трактиром Печкина, откуда и доставлялись заказанные кушанья. Сама же кофейня славилась своими пирожными, печеньем и вареньем, так, Виссарион Белинский спрашивал Михаила Бакунина в письме от 16 августа 1837 года из Пятигорска: «Ты уже не лакомишься у Печкина вареньями и сладенькими водицами?»

Но все-таки в кофейню приходили не есть и закусывать, а разговаривать на различные темы за чашечкой приятного кофе или чая – о последней театральной премьере, о литературной новинке, а еще почитать свежую прессу, выписываемую хлебосольным хозяином, – газету «Северная пчела», журналы «Отечественные записки» и «Библиотека для чтения», приносимые официантами («половыми») вместе с кофе. Когда кончалось кофе, принимались за шашки и шахматы и говорили, обсуждали, изрекали... Это был своего рода интеллектуальный клуб московской творческой и научной интеллигенции.

Афанасий Фет накрепко запомнил, что при входе в кофейню за одним из столиков вечно сидел ее неизменный страж – совершенно седой старик, белый как лунь, по прозвищу Калмык. Его видели всегда в одной и той же позе – всем телом он как бы наваливался на стол, а лоб его опирался на поставленные друг на друга кулаки. Его все жалели, поили и кормили за свой счет (он предпочитал солянку), а новичкам рассказывали душещипательную историю о том, что когда-то Калмык был куплен из милосердия некоей доброй московской барыней и жил у

нее чуть ли не в качестве домашнего слуги. А когда одинокая старуха умерла, он оказался на улице. И однажды, приведенный кем-то из посетителей в кофейню, Калмык так и остался при ней в качестве живого экспоната. Время от времени он нарушал свое молчание и издавал один и тот же возглас: «Ох-ох-ох!», пока кто-нибудь не угощал его солянкой.

Критик Алексей Галахов вспоминал:

«Обычные посетители делились на утренних, дообеденных, и вечерних, послеобеденных. Я принадлежал к числу первых, потому что компания тогда была интереснее. Собирались артисты и преподаватели, из которых иные сотрудничали в журналах – петербургских или московских. Тех и других сближал двойной интерес: театральный и литературный. Если тогда было еще не мало театралов из числа лиц, преданных литературе, то и меж артистов находились искренно интересовавшиеся литературой. Достаточно указать на Щепкина и Ленского. Первый вращался в кругу профессоров и писателей, был принимаем, как свой человек, у Гоголя, С. Т. Аксакова, Грановского. Беседами с ними он, насколько это возможно, развивал себя и образовывался. Второй, обладая самым скудным сценическим дарованием, выходил, однакож, по образованию из ряда своих товарищей: он хорошо знал французский язык и отлично перелагал с него водевили и другие драматические пьесы; кроме того, бойко владел пером в том сатирическом и эротическом роде, в каком известны у нас Соболевский и Щербина.

Часто можно было встретить ранним утром Мочалова. По какой-то застенчивости, даже дикости, нередко свойственной тем гениальным талантам, которые при отсутствии надлежащей воспитательной дисциплины вели распущенный образ жизни и не хотели подчиняться никакому регулированию, он не входил в зал, где уже были посетители, а садился у столика в передней комнате, против буфета, наскоро выпивал чашку кофе и затем торопливо удалялся, как бы боясь, чтобы кто-нибудь не завел с ним разговора. Вот Ленский – другое дело: он был, как говорится теперь, «завсегдатаем» в кофейной, нередко с утра оставаясь там до начала спектакля, а иногда и до поздней ночи, если в спектакле не участвовал.

Кроме поименованных артистов, часто бывали Живокини, Орлов, Бантышев, Садовский, Самарин. Из литературно-учительского кружка чаще других являлись: профессор Рулье, Н. Х. Кетчер, Межевич, Артемьев (Петр Иванович), прозванный «злословом», и ваш покорный слуга. Заходили иногда Белинский, М. Н. Катков и Герцен, но редко. Одно время часто посещал кофейную Бакунин, именно в 1838 году, когда печатались его философские статьи в «Московском наблюдателе», издававшемся Белинским. Однажды зашел в нее вместе со мною П. Н. Кудрявцев, но ему, как человеку сдержанному и деликатному, не понравилось навязчивое запанибратство обычных посетителей. «Странные они люди! – говорил он потом. – Видят меня в первый раз, и уж каждый навязывается чуть не в родню – хочет быть или дядей, или кузеном».

Беседы и суждения, всегда более или менее горячие, переходившие в нескончаемый спор, становились еще более оживленными или, пожалуй, шумными при выходе новой книжки ежемесячного журнала, при каком-либо газетном фельетоне (субботнем в «Северной пчеле») или по поводу новой пьесы, появления известных сценических субъектов, например итальянских оперных певцов, представлений Рашели, приезда из Петербурга трагика Каратыгина и балерины Андрияновой. В последнем случае сильно разыгрывался наш московский патриотизм: мы ни за что не хотели дать в обиду нашего любимца Мочалова и нашу любимую грациозную танцовщицу Санковскую (старшую)».

Павел Степанович Мочалов (1800–1848) именно в этой кофейне и познакомился со своей будущей женой – мещанской дочкой Натальей Бажановой. «Она была хорошенькой, но несколько анемичной девушкой из средней купеческой семьи, – выяснил биограф актера Ю. Соболев. – Вероятно, училась в каком-нибудь немудреном пансионе, приобрела кое-какие «светские навыки», читала романы, увлекалась бароном Брамбеусом, бывала на семейных танцевальных вечерах. Конечно, ездила она по воскресеньям в Малый театр: по праздникам ложи

бельэтажа, по обычаю, заполнялись купеческими семействами. Из ложи любовалась Наталья Ивановна молодым Мочаловым. Она цепенела от ужаса, когда черный мавр душил свою голубку Дездемону. И, вероятно, подобно Отелло, Мочалов уже не на сцене, а в купеческой низенькой и душной комнатке бажановского дома изливал перед Наташей свою душу, веря, что она, как Дездемона, полюбит его «за муки».

Однако прожили молодые недолго, свежеиспеченная жена не удовлетворяла духовных запросов лицедея. «Пленившись лицом, я не заглянул в душу человека. И скоро нашел, что ошибся я!» – жаловался Мочалов в письме Грановскому. Мещане Бажановы, пусть даже со своей личной кофейней, стали для актера сущим испытанием, темным царством (прямо как в известной пьесе Горького). К тому же тесть-охотнорядец был по своим взглядам ярким поклонником Домостроя. А Павел Степанович-то привык к другой жизни, любил и покутить, и выпить. Творческая натура актера требовала эмоциональных потрясений, постоянного обновления чувств. И в 1822 году Мочалов бросает жену, увлекшись коллегой по сцене – актрисой Пелагеей Петровой, дочерью инспектора Театрального училища. Он уходит к той единственной, которая способна понять его. В новом неофициальном браке актер даже бросает пить. В кофейне он не появляется.

А Иван Бажанов не дремал, задумав вернуть зятя в семью (и в кофейню) любыми способами. Ведь многие специально приходили посмотреть на Мочалова, пьющего кофе в Охотном ряду. Актер был чем-то вроде талисмана заведения, а теперь этот талисман потерялся. В 1826 году на исходе лета в Москву на коронацию пожаловал Николай I. Как известно, в Кремле он пожелал встретиться с опальным Пушкиным, после чего назвал поэта «своим Пушкиным» и «самым умным человеком в России». Бажанов, конечно, даже не рассчитывал на такую милость – быть принятым самим государем. Самое большое, на что он мог рассчитывать, – прием у Александра Бенкендорфа, начальника Третьего отделения Его Императорского Величества канцелярии: «Отец жены Мочалова, некто Бажанов, содержатель известной кофейной, во время пребывания государя в Москве, явился с дочкой к графу Бенкендорфу и привел жалобу на бывшую актрису Петрову, обольстившую добродушного артиста. Бенкендорф утер слезы, доложил, Николай Павлович изъявил свое желание на законное соединение мужа с женой, но, вероятно, заметил начальнику III отделения, чтобы он не очень налегал на талантливую преступницу и не вздумал его скрутить и выслать куда-нибудь».

Иван Бажанов, не обладая актерским даром Мочалова, все же сумел произвести впечатление на царского сатрапа, разжалобив не только его, но и царя. Когда Николаю доложили, что от законной жены у актера был еще и ребенок, император расчувствовался. Он не мог допустить, чтобы дочь росла без отца (а еще говорят, что он был жестоким – Николаем Палкиным!). Меры были приняты незамедлительно, Бенкендорф вызвал Петрову и приказал ей разойтись с Мочаловым, рассказывавшим позднее: «Я полюбил одну девушку, которая стала негласной женой моей. И как любила меня она! Она была хороша собой, скромна, умна. И как я был счастлив! Я молился всегда на коленях и благодарил Христа за счастье, посланное мне. Ее насильно оторвали от меня. Последнее расставание наше было при чужих: два квартальных торопили меня и они же на рассвете привели меня к жене моей».

После насильного возвращения к жене Мочалов вновь стал бывать в кофейне (а куда денешься!). Здесь он устраивал импровизированные репетиции новых постановок, нередко декламировал монологи из спектаклей. Внимали этому друзья артиста, среди которых был и Виссарион Белинский. После одного такого вечера критик написал: «Благодаря Мочалову мы только теперь поняли, что в мире один драматический поэт – Шекспир, и что только его пьесы представляют великому актеру достойное его поприще, и что только в созданных им ролях великий актер может быть великим актером».

Ну а в дни, когда спектаклей не было, Мочалов заявлялся в кофейню не один, а «обычно в сопровождении своих адъютантов – здорового детины Максина, довольно слабого актера,

игравшего в «Гамлете» тень отца, и учителя каллиграфии, любителя-стихотворца и страстного поклонника московского трагика Дьякова. Новички в кофейне глядели на Мочалова во все глаза, даже несчастная слабость к зеленой вину не могла заставить его потерять обаяния благородства. К концу вечера он еле держался на ногах, но ни одна пошлая черта не примешивалась к величавому облику трагика. А утром он тихо попил чаек, стоя у буфета в кофейной».

Мочалов был обидчив, самолюбив и горд, но эти черты, делавшие его трудным в житейском обиходе, помогали ему сохранять независимость в театре. Островский, конечно, должен был не однажды выслушать, если не от самого артиста, то от его добровольной свиты, известный рассказ о встрече Мочалова с директором императорских театров А. М. Геденовым. Геденов специально приехал из столицы в Москву, чтобы посмотреть Мочалова в роли Гамлета. Спектакль не мог состояться, потому что Мочалов переживал нередкую для него полосу запоя, и директор решил ошеломить его, явившись к артисту на квартиру. Он застал Мочалова с приятелем за начатой бутылкой и только было собирался произнести грозный выговор, как Мочалов прервал его: «Вы, Геденов! Как же вы смели прийти к Мочалову, когда знали, что он пьет? Вы – директор, видите первый раз в жизни Мочалова, гордость и славу русского театра, не на сцене, в минуту его триумфа, когда он потрясает, живит и леденит кровь тысячей зрителей, когда театр стонет от криков и воплей. А вы пришли посмотреть на Мочалова пьяного, в грязи... не тогда, когда он гений, а когда он перестает быть человеком! стыдно вам, директор Геденов! Ступайте вон! Идите скорее вон!» – пишет Владимир Лакшин.

На фоне несчастной семейной жизни сцена была для актера настоящим спасением, в ней пытался он найти отдушину, но для появления перед рампой сперва надо было найти силы после очередного запоя, что удавалось ему с трудом. С годами Мочалов стал еще больше пить, и не только кофе с чаем. В конце концов водка свела его в могилу. Умер он в 1848 году, 47 лет от роду.

В кофейне случались и другие встречи. Году в 1846-м здесь познакомились актер Малого театра Пров Михайлович Садовский (1818–1872) и мелкий чиновник Московского суда Александр Николаевич Островский (1823–1886). Садовский уже был довольно популярен у московской публики, его узнавали на улицах. «Этот артист успевает беспрестанно и часто в самой незначительной роли выказывать природный талант. Москва сделала в нем прекрасное приобретение», – читаем мы в газетных рецензиях того времени.

Садовский много и с успехом играет. В «Короле Лире» он выступает в роли Шута, в «Ревизоре» он блестяще исполняет роль Осипа, о чем с восторгом отзывается Аполлон Григорьев: «Иголки нельзя подпустить под эту маску – того гляди, коснешься живого тела». В «Женитьбе» он играет Подколесина, в то время как Щепкин – Кочкарева. Дуэт двух замечательных актеров оказался поистине звездным, зрители специально приходили на спектакль, чтобы насладиться игрой своих любимцев. Щепкин и Садовский были к тому же мастерами импровизации. А в сцене Подколесина и Агафьи Тихоновны Садовский так артистически выдерживал паузу, что зал каждый раз взрывался аплодисментами.

Щепкин относился к Садовскому по-отечески, наставлял его. Как-то в кофейне за столиком в ответ на реплику Садовского, что на его спектакле в таком-то ряду сидел некий господин, Щепкин сказал своему молодому коллеге: «Вот когда ты никого не будешь видеть из сидящих в театре, тогда и начнешь хорошо играть!»

В 1848 году журнал «Современник» воздавал актеру должное: «Игра Садовского чрезвычайно проста и натуральна, но вместе с тем до такой степени верна характеру того лица, которое он представляет, что это лицо оживает перед зрителями со всеми своими особенностями и комизмом, какой только из него может извлечь искусный артист».

Бывали, правда, и неудачи, когда Пров Михайлович задумал исполнить главную роль в «Короле Лире». Но не сложилось, публика Малого театра холодно приняла актера в новой его работе, ей, оказывается, «недоставало пафоса, драматизма, и все исполнение роли короля

Лири было монотонно, сухо, вяло и потому безжизненно». А вот одному из немногих современников так не показалось: «В низенькой комнате у Печкина прочел мне Садовский короля Лира; не знаю, как играл эту роль Пров Михайлович, я не видал его в Лире, но читал он эту трагедию превосходно».

Пров Садовский слыл в Москве непревзойденным мастером устного рассказа. Благодарная аудитория всегда ожидала его в «Литературной кофейне», где он рассказывал свои знаменитые истории о Гамлете, о Наполеоне и о мужике под мухой. Его приходили послушать многие московские литераторы. Иван Тургенев отмечал: «У него много воображения и искреннего в игре, интонации и жестах, я почти никогда не встречал подобных по степени совершенства. Нет ничего приятнее, как видеть, что искусство становится природой».

За одним из таких рассказов Садовского и застал Островский. К тому моменту будущее «драматическое светило в русской литературе», как его называли критики, уже сочинило немало сцен из купеческого да мещанского быта. В проекте уже была первая комедия «Несостоятельный должник», впоследствии известная под названием «Свои люди – сочтемся!». Можно смело сказать, что в Охотном ряду актер и драматург нашли друг друга. Дело даже не в том, что их фамилии были похожи, образуя рифму Садовский-Островский, что, согласитесь, не часто встречается в театральной среде. Пров Михайлович стал первым актером Островского, открыв труппе Малого театра его творчество. Всего в первых двадцати восьми постановках пьес Островского Садовский сыграл двадцать девять ролей. А некоторые премьеры он играл в свой бенефис. В частности, пьеса «Бедность не порок» впервые была показана зрителям в январе 1869 года в Малом театре в бенефис Прова Михайловича, а «В чужом пиру похмелье» – в 1856 году также в бенефис.

Тут надо отметить, что кофейно-литературные пары оказывали свое благотворное влияние и на Садовского, выступавшего и в качестве сочинителя. Известно по крайней мере пять его сочинений: «О французской революции», «О Наполеоне на остр. Елены», «Рассказ татарина», «Встреча двух приятелей» и драма «Честь или смерть». Слава богу, литература не увела его с театральной сцены. Достаточно было одного «Колумба Замоскворечья».

В «Литературной кофейне» Островского часто видел его хороший знакомый С. Максимов, писавший о «клубном месте приятельских свиданий» драматурга с молодыми сотрудниками редакции славянофильского журнала Николая Погодина «Москвитянин». В кофейне образовался своего рода кружок, члены которого собирали и записывали устное народное творчество, это были Т. Филиппов, Ап. Григорьев, М. Стахович и П. Якушкин, композитор Вильбоа.

На раннем этапе своего творчества драматург приходил в кофейню приобщиться к простому народу, но не в смысле выпивки, конечно. Александра Николаевича живо интересовал фольклор, народные обычаи, песни, поговорки, пословицы. Вспомним, что названиями многих пьес драматурга служат именно пословицы («Бедность не порок», «Не было ни гроша, да вдруг алтын» и пр.). Всего этого он вдоволь наслушался в кофейне, где вечерами выступали самодеятельные народные певцы – гитарист Николка Рыжий, певец Климовской, торбанист Алексей и сиделец-песенник из Ярославля Михаил Соболев. Репертуар их был соответствующий – русские народные песни и городские романсы, а еще песни бурлацкие, фабричные, острожные, колыбельные, обрядовые...

Познакомился Островский в кофейне и с еще одним интересным человеком – студентом Тертием Ивановичем Филипповым (1826–1899). Имя у него было редчайшее, так звали в Библии одного из апостолов. Третий заявлялся всегда с гитарой, хорошо пел, поражая аудиторию глубоким знанием песенного народного творчества. Филиппов, вероятно, станет единственным завсегдаем кофейни, у которого в дальнейшем сложится карьера не литератора (он живо интересовался историей церкви) или актера, а государственного деятеля. Филиппов займет высокую должность государственного контролера Российской империи, сенатора. Но

музыка останется его вторым призванием, помимо госслужбы. В своем министерстве Филиппов создаст хор из чиновников. Он сыграет решающую роль в судьбе Шаляпина. Великий русский певец будет с благодарностью вспоминать о Тертии Ивановиче – «замечательном человеке» – на закате своей карьеры: «Занимая министерский пост государственного контролера, он свои досуги страстно посвящал музыке и хоровому русскому пению. Его домашние вечера в столице славились – певцы считали честью участвовать в них. И эта честь совершенно неожиданно выпала на мою долю. 4 января 1895 года у Т. И. Филиппова состоялся большой вечер. Пели на нем все большие знаменитости. Играл на рояле маленький мальчик, только что приехавший в столицу. Это был Иосиф Гофман, будущая великая знаменитость. Выступала и изумительная сказительница народных русских былин – крестьянка Федосова. И вот между замечательным вундеркиндом и не менее замечательной старухой выступил и я, юный новичок-певец. Я спел арию Сусанина из «Жизни за царя». В публике присутствовала сестра Глинки г-жа Л. И. Шестакова, оказавшая мне после моего выступления самое лестное внимание. Этот вечер сыграл большую роль в моей судьбе. Т. И. Филиппов имел большой вес в столице не только как сановник, но и как серьезный ценитель пения. Выступление мое в его доме произвело известное впечатление, и слух о моих успехах проник в императорский театр. Дирекция предложила мне закрытый дебют, который скоро состоялся».

Среди завсегдатаев кофейни Островский заметил много чего повидавшего по городам и весям актера Ивана Федоровича Горбунова (1831–1896), выступавшего с сольными устными номерами. Горбунову подражали, у него даже были двойники. Манерой исполнения он походил на Ираклия Андроникова. Островскому он послужил одним из прототипов героев пьесы «Лес». Кроме актерского таланта Горбунов обладал и литературными способностями:

«Знаменитая кофейная Печкина продолжала еще существовать. Я в ней бывал. Постоянными посетителями ее были профессор Рулье, А. И. Дюбюк, П. М. Садовский и многие другие. Темой разговоров и споров была, разумеется, война. Пров Михайлович, патриот до мозга костей, спорил до слез.

– Побьют нас! – сказал Рамазанов (скульптор. – *Авт.*). Пров Михайлович вскочил, ударил кулаком по столу и с пафосом воскликнул:

– Побьют, но не одолеют.

– Золотыми литерами надо напечатать вашу фразу, – произнес торжественно П. А. Максин. – Побьют, не одолеют. Превосходно сказано. Семен, дай мне рюмку водки и на закуску что-нибудь патриотическое, например малосольный огурец.

– Извольте видеть, Иван Федорович, – сказал Пров Михайлович мне после, – как татары-то рассуждают!..

– Какие татары?

– А Рамазанов-то! Ведь он татарин, хоть и Санкт-Петербургский, а все-таки татарин... Рамазан!..

Московские купцы, посещавшие кофейню, все группировались около Прова Михайловича и слушали его страстные речи. Я уже не застал кофейню в лучшее ее время, когда она была центром представителей литературы, сцены и других искусств. Она в то время падала, и ее посещали немногие. В это время репертуар моих рассказов значительно расширился. Александр Николаевич поощрял меня и двигал вперед. Я стал постоянным его спутником всюду, куда он ни выезжал. Рассказы мои сделались известными в Москве: о них заговорили. Пров Михайлович, сам превосходный рассказчик, которому я не достоин был разрешить ремень сапога, относился ко мне с величайшей нежностью и вывозил меня, как он выражался, «напоказ».

– Мы завтра, Иван Федорович, будем вас показывать у Боткина».

Иван Горбунов приходил в кофейню в 1854 году, в разгар Крымской войны, став свидетелем угасания ее значения как центра художественной жизни Москвы.

Сам Островский говорил о кофейне так: «Общество здесь делилось на две половины: одна половина постоянно говорила и сыпала остротами, а другая половина слушала и смеялась. Замечательно еще то, что в эту кофейную постоянно ходили одни и те же люди, остроты были постоянно одни и те же, и им постоянно смеялись».

В 1840-х годах в кофейне часто можно было увидеть шахматные поединки между двумя общепризнанными гроссмейстерами, одним из которых был знаменитый профессор Дмитрий Матвеевич Перевошиков (1788–1880), выдающийся русский ученый, астроном и математик, преподававший в Московском университете с 1818 года, а с 1848 по 1851 год исполнявший в нем должность ректора. Это был тот самый Перевошиков, что разбудил в Михаиле Лермонтове интерес к математике в период учебы поэта в Благородном пансионе. Как утверждал один из его студентов, Перевошиков стремился «в первые же уроки проэкзаменовать всех вновь поступивших учеников и сразу отбирать овец от козлищ. Из всего класса обыкновенно лишь весьма немногие попадали в число избранных, т. е. таких, которые признавались достаточно подготовленными и способными к продолжению курса математики в высших двух классах». У Лермонтова имелись все основания войти в число отбираемых Перевошиковым «овец», а не «козлищ», поскольку он серьезно интересовался математикой, в четвертом классе пансиона имея по этой дисциплине высший балл. В дальнейшем, учась в школе гвардейских подпрапорщиков, он часто читал книгу Перевошикова «Ручная математическая энциклопедия».

Но с кем же сражался профессор за шахматной доской? Противником его был не менее подкованный в древней игре восточный человек по имени Кирюша, то ли выходец из Персии, то ли армянин. Кирюша обычно был одет в суконный черный архалук с разрезанными рукавами. Он говорил по-русски с сильным акцентом, что, впрочем, не мешало ему обыгрывать Перевошикова. В таких случаях он поднимал вверх руку (будто готовясь произнести тост) и провозглашал: «Тут без матэмастикэ не обойтись!» Нужно ли говорить, что шахматные турниры собирали в кофейне множество болельщиков.

Среди последних был и юный Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883), в 1833 году пятнадцатилетним мальчиком поступивший на словесный факультет Московского университета. Он также ходил в кофейню поиграть в шахматы, увековечив позднее это свое занятие в повести «Несчастливая»: «Я с ранних лет пристрастился к шахматам; о теории не имел понятия, а играл недурно. Однажды в кофейной мне пришлось быть свидетелем продолжительной шахматной баталии между двумя игроками, из которых один, белокурый молодой человек лет двадцати пяти, мне показался сильным. Партия кончилась в его пользу; я предложил ему сразиться со мной. Он согласился... и в течение часа разбил меня, шутя, три раза сряду».

А в рассказе «Петр Петрович Каратаев» 1847 года мы и вовсе попадаем в особую атмосферу кофейни:

«Спустя год после моей встречи с Каратаевым случилось мне заехать в Москву. Раз как-то, перед обедом, зашел я в кофейную, находящуюся за Охотным рядом, – оригинальную, московскую кофейную. В бильярдной, сквозь волны дыма, мелькали раскрасневшиеся лица, усы, хохлы, старомодные венгерки и новейшие святославки. Худые старички в скромных сюртуках читали русские газеты. Прислуга резво мелькала с подносами, мягко ступая по зеленым коврикам. Купцы с мучительным напряжением пили чай. Вдруг из бильярдной вышел человек, несколько растрепанный и не совсем твердый на ногах. Он положил руки в карманы, опустил голову и бессмысленно посмотрел кругом.

– Ба, ба, ба! Петр Петрович!.. Как поживаете?

Петр Петрович чуть не бросился ко мне на шею и потащил меня, слегка качаясь, в маленькую особенную комнату.

– Вот здесь, – говорил он, заботливо усаживая меня в кресла, – здесь вам будет хорошо».

А не раз упомянутый современниками профессор биологии Карл Францевич Рулье (1814–1858) писал у Печкина свою знаменитую диссертацию «О геморрое», после успешной

защиты которой получил степень доктора медицины. Рулье – основоположник отечественной экологии, создавший российскую научную школу зоологов, ярким представителем которой был знаменитый путешественник и ученый Николай Северцов. Последний вспоминал, что порой студенты Московского университета, «собравшись на лекцию Рулье, не находили его в аудитории и, посоветовавшись друг с другом, шли отыскивать профессора в кофейной Печкина, где находили Карла Францевича за кружкой пива и с трубкой. Рулье объявлял, что так как аудитория в сборе, то нечего идти в университет, и начинал свою очередную лекцию-беседу, всегда живую и талантливую».

Рулье ушел из жизни скоропостижно, в 44 года. Как-то, возвращаясь из кофейни, он пережил удар, умер он мгновенно, прямо напротив генерал-губернаторского дома на Тверской улице. «Все, что есть в Москве уважающего ум, благородство души и знание, собралось у гроба этого знаменитого профессора», – писали в некрологе «Санкт-Петербургские ведомости». Многие ученики Рулье упрочили славу и деяния своего талантливого учителя.

Александр Иванович Герцен (1812–1870), как вспоминал очевидец, всякий раз в кофейне собирал около себя кружок и «начинал обыкновенно расточать целые фейерверки своих оригинальных, по тогдашнему времени, воззрений на науку и политику, сопровождая все это пикантными захлестками». Но чаще всего он появлялся здесь с друзьями – Николаем Огаревым и Николаем Кетчером, и тогда они присаживались за отдельный столик. Им было о чем поспорить за чашечкой ароматного напитка. Хотя бы о Шекспире, все пьесы которого перевел на русский Кетчер. Не все коллеги приняли его интерпретацию, а Сергей Соболевский даже откликнулся эпиграммой:

Вот и он, любитель пира
И знаток шампанских вин, —
Перепёр он нам Шекспира
На язык родных осин.

Николай Христофорович Кетчер (1809–1886) и сам был блестящим острословом, палец в рот не кладет. Как-то посетители кофейни стали невольными зрителями словесной дуэли между ним и Ленским. Торчавший в кофейне с утра до вечера Ленский ни с того ни сего вдруг стал петь Кетчеру дифирамбы: какой, мол, великий переводчик. И все это с плохо скрываемой иронией, сравнимой с издевкой. Кетчер (он всегда громко и с пафосом говорил, будто со сцены) немедля парировал афоризмом: «Мне то не похвала, когда невежда хвалит». А Ленский не растерялся и ответил: «Когда ж, скажите мне, вас умные хвалили? Не помню что-то я».

Критик Галахов писал:

«Если справедливы слова Фамусова, что «на всех московских есть особый отпечаток», то об Кетчере (Николае Христофоровиче) следует сказать, что из всех жителей древней столицы он выдавался по преимуществу, был архимосквичом, разумеется, не в том смысле, какой придавал этому слову Фамусов. Только в Москве жилось Кетчеру привольно, только здесь он чувствовал себя как дома. К Петербургу не лежало у него сердце, да и не могло лежать по его темпераменту и душевному складу, капитальная особенность которого состояла в пренебрежении внешнего, формального и в уважении внутреннего, существенного. Этикет, условные приличия, благовидные предлоги (то есть благие только по виду, а не по существу) возмущали Кетчера, потому что напрасно стесняли естественное, свободное проявление жизни в действиях, чувствах и образе мыслей. Чему не учит нас природа, – говаривал он, – тому и не следует приносить ее в жертву. Кетчеру и на мысль не приходило покушение «казаться» не тем, чем он «был» на самом деле. Он всегда и неизменно являлся самим собой, и в этом смысле был вполне наивным субъектом. Притворство, скрытность, желание маскироваться, влияние хвостом и нашим и вашим, находили в нем непримиримого обличителя и преследо-

вателя. Правдолюбие, откровенность, доброта – вот те капитальные особенности, которыми он привлекал к себе честных и благомыслящих людей. Ими объясняется его оригинальность, иногда пугавшая тех, кто его не знал, или знал мало. И по внешности Николай Христофорович отличался от других. Он плохо заботился о своем туалете и костюме, как бы желая, чтобы его встречали и провожали не по платью.

Я познакомился с ним вскоре по окончании им курса в медико-хирургической академии. Его плащ, или по-тогдашнему альмавива, не походил на плащ Гарольда (упоминаемый в первой книге Евгения Онегина): верх его был зеленый, а подкладка алая, подобно тому, в каком являлся горный дух волшебному стрелку (в опере Вебера), почему мы и прозвали его асмондем. Смех его походил на грохот, изумлявший присутствующих, хотя и напрасно: смеяться не грешно над тем, что есть смешно; во всяком случае, он искреннее, следовательно, лучше сдержанного хихиканья или кислой, вялой улыбки. Он говорил своим близким знакомым «ты», а не «вы», потому что первое слово естественно и сердечно: в спорах часто останавливал противника восклицаниями: «Вздор, врешь», минуя околичности и смягчения, в роде: «Извините, это, кажется, неправда». К чему оговорка кажется, когда дело ясно как день, и для чего извиняться в том, в чем нет ни малейшей вины? Мнения свои Кетчер выражал без утайки, громко и точно, не прибегая к ограничениям и уклончивости. Он мог ошибаться, но умышленно искажать то, что ему думалось и что он признавал истиной, он считал великою подлостью, тяжким грехом».

Легенда о архимосквиче Кетчере подпитывалась его гастрономическими пристрастиями, реализуемыми в кофейне. Если другие пили кофе, то он в летний день лакомился мороженым. Половые уже знали, что принести ему после, – кусок ветчины. Александр Герцен объяснял это так: «Чему же вы, господа, удивляетесь? Разве вы не видите, что Николай Христофорович – отличный хозяин: он сначала набьет свой погреб льдом, а потом начинает класть в него съестное».

Как-то Кетчер узнал, что среди посетителей кофейни есть молодой преподаватель истории по фамилии Нежданов. И все бы ничего, но настоящая фамилия его была Жданов, как и его отца – цирюльника. Стыдясь профессии своего папаша, молодой человек взял и переименовал себе фамилию на Нежданов. Естественно, что это могло не затронуть чувствительную натуру Кетчера, который при каждой встрече с Неждановым как можно громче спрашивал: «Здравствуй, Жданов! Здоров ли твой отец?» – заставляя его краснеть. В итоге Кетчер чуть было не сжил со свету неблагодарного отщепенца, тот и носу не совал в кофейню.

Был и такой случай. В кофейне разгорелась ссора между театральным музыкантом Щепиным и наглым заезжим офицером-бретером. Дело шло к дуэли. Кетчер, видя несправедливость, вмешался и, буквально взяв обидчика за шкирку, спустил его с лестницы. А ведь он и сам мог пострадать.

В четвертой части своего романа «Былое и думы» Герцен увековечил Кетчера и любимую ими кофейню: «Мне приходится говорить о Кетчере опять, и на этот раз гораздо подробнее. Возвратившись из ссылки, я застал его по-прежнему в Москве. Он, впрочем, до того сросся и сжился с Москвой, что я не могу себе представить Москву без него или его в каком-нибудь другом городе. Как-то он попробовал перебраться в Петербург, но не выдержал шести месяцев, бросил свое место и снова явился на берега Неглинной, в кофейной Бажанова проповедовать вольный образ мыслей офицерам, играющим на бильярде, поучать актеров драматическому искусству, переводить Шекспира и любить до притеснения прежних друзей своих. Правда, теперь у него был и новый круг, то есть круг Белинского, Бакунина; но хотя он их и поучал денно и ночью, но душою и сердцем все же держался нас».

Николаю Кетчеру повезло – в ту пору, когда Москву в начале 1990-х захлестнула волна переименований, улицы в честь его друзей – Герцена и Огарева – исчезли с лица земли, а вот Кетчерская улица в Вишняках осталась!

Что же до Дмитрия Тимофеевича Ленского (1805–1860), соперника Кетчера в словесных дуэлях, то память о нем живет в его произведениях. Один лишь водевиль «Лев Гурыч Синичкин» чего стоит. Этот водевиль как был поставлен впервые в Большом театре, неподалеку от Литературной кофейни, так и идет до сих пор в некоторых российских театрах, пережив даже две экранизации. В кофейне Ленский без умолку острил, порой его юмор опускался гораздо ниже пояса. Но были и приличные шутки. Одному из тех, кто намеревался пойти к цирюльнику подстричься, он сказал: «Не всякому дано остриться!» А когда в его присутствии два студента – Афанасий Фет и Яков Полонский безрезультатно пытались вызвать полового, Ленский мгновенно отреагировал: «Согласитесь, что между двумя студентами бывают пустозвоны!»

Но однажды Ленского поставили на место. Было это так. В кофейне Щепкин стал говорить серьезные слова о необходимости честного и добросовестного отношения к искусству тех, кто его творит. На что Ленский заметил: «Дорогой Михаил Семенович, добросовестность скорей нужна сапожникам, чтобы они не шили сапог из гнилого товара, а художникам необходимо другое: талант!» Старый актер ответил: «Действительно, необходимо и другое, но часто случается, что у художника ни того ни другого не бывает!» Все рассмеялись, кроме Ленского, принявшего, вероятно, слова Щепкина на свой счет. Больше в тот вечер он не острил.

Специально приходил поиграть на бильярд в кофейне солист Большого театра Александр Олимпиевич Бантышев (1804–1860). Катал он шары превосходно, часто играл на деньги, много выигрывал, а затем угощал всех присутствующих счастливых за свой счет и шампанским, и хорошей закуской. Но сам спиртного в рот не брал, а вот покушать любил. Но полнота шла ему, способствуя развитию вокального дара, как это нередко бывает у певцов. Бантышев обладал теноровым голосом нежного бархатного тембра и широкого диапазона, за что удостоился звания «московского соловья». А князь Владимир Одоевский отмечал: «В игре Бантышева, как и в голосе его, главное достоинство: простота, непринужденность».

А ведь Бантышев – настоящий русский самородок, самоучка. Нот не знал, всю жизнь разучивал оперные партии на слух. Нигде не учился, служил писцом в Опекунском совете, пока композитор Александр Верстовский не посоветовал ему сменить профессию. Но отпустить Бантышева из писцов начальство не хотело, а он настаивал. И тогда его уволили с отрицательной характеристикой. В своего рода трудовой книжке того времени – аттестате – было написано, что Бантышев поведения «неблагонадежного». А попробуй-ка с такой аттестацией выйди на сцену императорских театров. Лишь вмешательство генерал-губернатора Москвы князя Дмитрия Голицына спасло дело. В 1827 году в Большом театре появился новый солист, быстро завоевавший признание у публики.

А как задушевно исполнял Бантышев русские песни и романсы! После удачной бильярдной партии, бывало, он брал в руки гитару, и тогда все, находящиеся в кофейне, замолкали, даже неугомонный Ленский. И начинался импровизированный концерт, особой популярностью пользовались «На заре ты ее не буди» Варламова (композитор сочинил этот романс по заказу самого певца) и «Соловей» Алябьева. Бантышев неоднократно бисировал.

За пределами кофейни репертуар Бантышева был более серьезным. Он стал одним из первых исполнителей гимна «Боже, царя храни!» Львова. Газета «Молва» писала об этом исполнении: «Вчера, 11 декабря (1833) Большой Петровский театр был свидетелем великолепного и трогательного зрелища, торжества благоговейной любви народа русского к царю русскому... При первом ударе невольное влечение заставило всех зрителей подняться с мест. Глубочайшее безмолвие царствовало всюду, пока Бантышев своим звонким, чистым голосом пел начальное слово. Но когда вслед затем грянул гром полкового оркестра, когда в то же мгновение слилась с ним вся дивная масса поющих голосов, единогласное «Ура», вырвавшееся в одно мгновение из всех уст, потрясло высокие своды огромного здания. Гром рукоплесканий заспорил с громом оркестра... все требовало повторения... Казалось, одна душа трепетала в волнуемой громаде зрителей, то был клич Москвы! Клич России!!!»

Кто-то из завсегдатаев кофейни сочинил даже про нее стихи, это была пародия на балладу Василия Жуковского «Двенадцать спящих дев». До нашего времени дошли лишь маленькие отрывки из пародии:

И прошло много лет,
И кофейни уж нет,
Но в двенадцать часов,
на бильярде гремят шары,
И на лестницу лезет Калмык,
Ленский пьян и румян,
Ленский держит стакан,
Ухмыляется Ленского лик...

Кто был автором этой пародии? Ясно, что не Ленский.

Значительный вклад оставила кофейня в творчестве Алексея Феофилактовича Писемского (1821–1881), сделавшего ее местом действия своего романа «Масоны». Писемский еще студентом бывал здесь чуть ли не ежедневно со своими приятелями по университету. Из романа мы узнаем и о том, кто еще бывал в кофейне, кроме собственно литераторов и актеров, это и «отставной доктор, выгнанный из службы за то, что обыграл на бильярде два кавалерийских полка», и чиновник, который надеется здесь «придать себе более светское воспитание», и франтоватый господин, камер-юнкер, про которого государь Николай I сказал князю Д. Голицыну: «Как тебе не совестно завертывать таких червяков, как в какие-нибудь коконы, в камер-юнкерский мундир!»

Вся эта публика посещала кофейню в надежде хотя каким-нибудь боком приткнуться к культурному обществу, был даже свой частный пристав, состоявший на дружеской ноге с актерами и этой дружбой дороживший. Ну а если есть пристав, то как же обойтись без его подопечных. Карточные шулера также сидели тут, как и ростовщики, присматривавшие среди посетителей кофейни будущие жертвы. Иными словами, гоголевский Хлестаков вполне мог бы похвастать перед внимавшей ему аудиторией, что вот, мол, в Литературную кофейню хожу, и если уж не с Пушкиным на дружеской ноге, то со всем Малым театром точно. И ему бы поверили.

К концу 1850-х годов кипучая деятельность Литературной кофейни сошла на нет. Потух очаг культуры и просвещения в Охотном ряду...

Что читали в Охотном ряду

У торгового люда в Охотном ряду были и свои пристрастия. Особенно любили здесь читать. Конечно, не Пушкина с Чеховым, а бульварную газету «Московский листок», издаваемую Николаем Ивановичем Пастуховым (1831–1911). Очень этот листок был популярным, ведь печатался на бумаге, из которой сподручно было крутить самокрутку. Ни одна другая московская газета, никакие «Русские ведомости» с «Московским телеграфом», не могли конкурировать ни с самим листком, ни с его бумагой. Ведь что нужно охотнорядцу – покурить да последние новости послушать от соседа по лавке. А какие новости в то время интересовали простой народ? Да те же, что и нынче, – желтые, про преступления всякие, грабежи, насилия да убийства.

Печатать «Московский листок» на бумаге для курева Пастухов придумал не из бедности, а из хитрости. Хорошо знавший его Гиляровский рассказывал:

«Это – яркая, можно сказать, во многом неповторимая фигура своего времени: безграмотный редактор на фоне безграмотных читателей, понявших и полюбивших этого человека, умевшего говорить на их языке. Безграмотный редактор приучил читать безграмотную свою газету охотнорядца, лавочника, извозчика, трактирного завсегдатая и обывателя, мужика из глухих деревень. Интересовался Н. И. Пастухов для своего «Листка» главным образом Москвой и Московской губернией. «С меня Москвы хватит», – говорил он. Интересовался также городами, граничащими с ней, особенно фабричными районами. Когда он ездил на любимую им рыбную ловлю, то в деревнях и селах дружил с жителями, каким-то чутьем угадывая способных, и делал их своими корреспондентами.

– Да я малограмотный!

– На что мне твоя грамотность. У меня на то корректора есть. Ольга Михайловна все поправит! Ты только пиши правду, соврешь – беда будет!

И давал в кратких словах наставление, что и как писать.

– Вот ежели убийство или что другое такое крупное, сам в Москву приезжай, разузнавши все обстоятельно, что говорят и что как, а на дороге и за хлопоты я тебе заплачу!

И получались от новых корреспондентов очень интересные вещи, и почти ни один никогда не соврал. Н. И. Пастухов действительно не жалел денег на такие сообщения и получал сведения вне конкуренции. Для распространения подписки в ближайших городах он посылал своих корреспондентов.

– Разнюхай там, о чем молчат!»

Благодаря своим многочисленным информаторам Пастухов знал о жизни москвичей такие подробности, обнаружение которых приковывало внимание даже образованной публики. Для таких новостей Пастухов придумал рубрику «Советы и ответы». На людях солидные купцы листок старались не читать, но все равно, как утро, посылают за газетой. А получив ее, читают те самые советы – нет ли там знакомой (или того хуже – своей) фамилии. Печаталось, например, такое: «В Охотный ряд Илюше Пузатому. Кормите приказчиков побольше, а работать заставляйте поменьше, сам пузо нажрал, небось!» И самое главное, что после такого начинали больше заботиться о приказчиках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.